

Пранаб Бардхан

ОТКУДА БЕРЕТСЯ ЧУДО?

НЕКОТОРЫЕ МИФЫ О ВЗЛЕТЕ КИТАЯ И ИНДИИ¹

За последние двадцать пять лет экономики Китая и Индии — после более чем столетия относительного застоя — показали необычайно высокие темпы роста. В 1820 году на эти две страны приходилась почти половина всего мирового дохода; к середине XX века после резкого рывка индустриализованного Запада их доля упала менее чем до одной десятой. Сегодня она составляет немногим менее одной пятой и, по прогнозам, к 2025 году увеличится до одной трети. (В 2008 году Всемирный банк должен выпустить пересмотренные показатели прожиточного минимума в Китае и Индии, которые могут несколько снизить ожидаемую долю дохода, как будущую, так и нынешнюю.)

Этот рост ведет к невероятным последствиям. Так, китайская экономика совершила самый значительный в мировой истории прорыв из бедности, когда сотни миллионов людей смогли выбраться из нищеты всего за одно поколение. (Последствия этого для окружающей среды не менее поразительны, хотя, возможно, также не менее пагубны.)

Чем объясняется этот невероятно стремительный рост? Ответ, который до сих пор преобладает в публичных дискуссиях в Соединенных Штатах, звучит примерно так: десятилетия социалистических правил и ограничений сдерживали развитие предпринимательства в Китае и Индии и вели их в тупик, а рыночные реформы и глобальная интеграция высвободили, наконец, предпринимательскую энергию. Пробудившись от «социалистической спячки», эти гиганты вышли на «выровненную» игровую площадку глобального капитализма. В результате в обеих странах имел место высокий экономический рост и, соответственно, значительное сокращение бедности.

Хотя достижения Индии были весьма впечатляющими, Китаю удалось добиться поистине выдающихся результатов. И эти особенно выдаю-

¹ 'What Makes a Miracle: Some Myths about the Rise of China and India,' *Boston Review*, January/February 2008. <http://bostonreview.net/BR33.1/bardhan.php>

щиеся результаты Китая (как и предшествующие экономические «чудеса» в Южной Корее, на Тайване и в Сингапуре), согласно доминирующему нарративу, служат свидетельством того, что авторитаризм позволяет добиться лучшего экономического развития, чем демократия, по крайней мере поначалу. Региональная экономическая децентрализация обеспечила локальную автономию и стимулы и даже без демократии вела к быстрому развитию на местах. Но, согласно этому нарративу, глобальный капитализм принес с собой и растущее неравенство, причем в Китае оно сильнее, чем в Индии. Идея состоит в том, что это может представлять серьезные трудности для политической стабильности Китая, потому что Китай не имеет возможности по образцу демократической Индии выпускать пар недовольства, вызванного неравенством.

Эта история содержит в себе зерно истины и отвечает нашим сложившимся представлениям. Но из-за частого повторения она обрела необоснованно большое влияние.

* * *

Начнем с утверждения, что глобальная интеграция и связанные с ней рыночные реформы привели к интенсивному росту, который, в свою очередь, вызвал резкое сокращение крайней бедности. Применительно к Китаю это просто анахронизм. Китай действительно добился немалых успехов во внешней торговле и инвестициях с 1990-х годов, но задолго до этого, скажем, между 1978 и 1993 годами, стране уже удалось достичь среднегодовых темпов роста на уровне 9%, что даже выше впечатляющего 7%-ного роста в Восточной Азии в 1960–1970-х.

Точно так же рассказ о сокращении бедности в Китае имеет свои изъяны. Хотя рост экспорта трудоемких отраслей позволил многим людям вырваться из бедности в прошлом десятилетии, основная причина этого резкого сокращения бедности в последние тридцать лет может иметь иную природу. По оценкам Всемирного банка, сокращение количества крайне бедного населения (тех, кто живет за чертой бедности—1 доллар в день по международному ценовому паритету на 1993 год) на две трети произошло в середине 1980-х годов. Большая часть крайней бедности была сосредоточена в сельских областях, и ее значительное сокращение в 1980-х, возможно, было обусловлено внутренними факторами, которые слабо, если вообще хоть как-то связаны с глобальной интеграцией: резким ростом сельского хозяйства после деколлективизации, когда производство увеличивалось в среднем на 7,1% в год в 1979–1984 годах, что почти втрое выше показателей 1970–1978 годов; программой земельной реформы, предполагавшей крайне эгалитарное распределение земли и учитывавшей только региональные различия и размер семьи, которая создала основу для доходов в деревне; и ростом закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию.

Что касается Индии, то рыночные реформы, возможно, не были главной причиной ее недавнего высокого роста. Реформы явно сделали индийский

корпоративный сектор более энергичным и конкурентоспособным, но большая часть индийской экономики не связана с корпоративным сектором; например, 93% работников трудятся за пределами корпоративного сектора, частного или государственного.

Возьмем стремительно растущий сектор услуг, где индийские ИТ-услуги приобрели мировую известность, хотя в этом секторе работает меньше четверти процента всей индийской рабочей силы. Входящие в этот сектор услуги, вроде финансов, деловых услуг (включая те же ИТ-услуги) и телекоммуникаций, для которых экономические реформы имели большое значение, составляют около четверти всего данного сектора. Две трети сектора приходятся на традиционную или «неорганизованную» деятельность небольших предприятий, на которые реформы регулирования или внешнеторговой политики вряд ли могут оказать большое влияние. Трудно сказать, насколько рост традиционных услуг (в основном неторгуемых) можно объяснить ростом спроса на услуги в остальной экономике, а насколько он является статистическим артефактом, так как способы оценки этих традиционных услуг всегда ненадежны.

Что касается бедности, то последние результаты исследования индийских домохозяйств показывают, что в 1993–2005 годах — в период глобальной интеграции — темпы сокращения бедности несколько замедлились в сравнении с 1970–1980-ми. Кроме того, некоторые не связанные с доходами показатели бедности, вроде тех, что касаются здоровья детей, и без того удручающие, за последние годы почти не улучшились. (Например, процент детей, имеющих недостаточный вес, в Индии намного больше, чем в Африке южнее Сахары, и за последнее десятилетие изменился не слишком сильно.) Рост в сельском хозяйстве, где как раз и сосредоточена большая часть бедняков, несколько замедлился за последнее десятилетие, во многом из-за сокращения государственных инвестиций в сельскохозяйственную инфраструктуру, например в ирригацию. Мало что из этого напрямую связано с глобализацией. Исследования же различных районов Индии приводят к выводу, что либерализация торговли замедлила сокращение сельской бедности. Такие результаты могут свидетельствовать о том, что нужда заставила крестьян и рабочих заниматься новыми видами деятельности в новых секторах из-за различных ограничений, связанных с получением кредита, информацией или инфраструктурой (например, электричество и дороги), большим числом людей, не имеющих среднего образования, и негибкостью рынка труда — и это тогда, когда глобализация открыла множество новых возможностей.

Темпы сокращения бедности в Индии были ниже, чем в Китае, не только потому, что китайский рост был выше, но еще и потому, что один и тот же процент в темпах роста сокращает бедность в Индии намного медленнее из-за более высокого неравенства в богатстве (особенно в обладании землей и в уровне образования). Коэффициент Джини для распределения земли в сельской местности в Индии в 2003 году составлял 0,74; тот же показатель в Китае в 2002 году равнялся 0,49. Это различие во многом отражает более

высокую долю безземельного и почти безземельного населения в Индии. Кроме того, показатели неравенства в уровне образования в Индии — одни из худших в мире. Согласно Докладу о мировом развитии за 2006 год, коэффициент Джини для распределения времени, затрачиваемого на обучение, среди взрослого населения составлял 0,56 в Индии в 1998–2000 годах, что не только выше, чем в Китае (0,37 в 2000 году), но даже выше, чем почти во всех латиноамериканских странах. По сути, этот показатель отражает большое число неграмотных или почти неграмотных по отношению к остальному населению в Индии.

* * *

Сюжет о «социалистической спячке» Китая и Индии не менее подозрителен. Для финансовой прессы Китай и Индия стали образчиками рыночных реформ и глобализации, несмотря на то, что экономическая политика обеих этих стран по отношению к приватизации, правам собственности и дерегулированию явно отклонялась от ортодоксии свободного рынка.

А как насчет более раннего периода? Там действительно все было так плохо? Хотя социалистический контроль и ограничения, несомненно, сдерживали инициативу и предпринимательство в обеих странах, все же нельзя отрицать положительное наследие реформ, предпринятых в 1970–1980-х, и особенно их роль в произошедшем недавно и регулируемом государством капиталистическом росте Китая.

В предыдущий социалистический период истории Китая была создана неплохая стартовая площадка для рыночных реформ. Этот фундамент обеспечил широкий доступ к образованию и здравоохранению; крайне эгалитарное перераспределение земли, которое создало «страховочную сетку» в деревне и смягчило последствия процесса рыночной реформы со всеми ее болезненными разрушениями и неурядицами; большее участие женщин в труде и образовании и, как следствие, вклад женщин в экономический рост; создал систему региональной экономической децентрализации (которая связала карьеры руководства компартии с успехами отдельных местностей). Правительства округов отвечали за результаты производства задолго до экономических реформ Дэн Сяопина, и, что еще более важно, созданная тогда система производственных бригад развилась в необычайно успешные поселковые и сельские предприятия, которые возглавили позднее феноменальный рост сельской индустриализации.

Во всех этих отношениях наследие, доставшееся Китаю от предшествующего периода, заметно отличалось от индийского. Подростком в Индии я не раз слышал заявления левых, что китайцы были лучшими социалистами, чем мы. Теперь я слышу, что китайцы лучшие капиталисты, чем мы. Я же, полшутя (но только полшутя!), говорю, что китайцы сейчас являются лучшими капиталистами, потому что они были лучшими социалистами тогда!

Наследие, доставшееся обеим странам от предыдущей эпохи, также проявляется в кумулятивном эффекте активной роли государства в технологиче-

ском развитии. Часто не замечают, что китайцы добились больших успехов на международных рынках не только с простыми и требующими больших трудозатрат продуктами, вроде одежды, обуви и игрушек. Китай и Индия (но в большей степени Китай) преуспели и в производстве более сложных продуктов, в отличие от стран со схожим доходом на душу населения: Китай — в бытовой электронике, включая компьютеры и другие товары, связанные с информационными и коммуникационными технологиями, и в производстве комплектующих для автомобилей; Индия — в программном обеспечении, лекарственных препаратах, средствах транспорта, стали и тех же комплектующих для автомобилей. Эти достижения особенно примечательны (хотя проявляются больше в валовой стоимости экспорта, чем в добавленной стоимости, поскольку некоторые из этих компонентов и технологий, используемых в производстве, приобретены за рубежом) и обязаны им Индия и Китай, прежде всего, квалификации и технологиям, приобретенным за годы «социалистической спячки» благодаря обучению на собственном опыте и государственной политике создания отечественных производственных мощностей, иногда ценой статистической эффективности размещения ресурсов.

Конечно, во многих случаях защита от иностранной конкуренции была обусловлена огромной неэффективностью. Но все не так просто. Рассмотрим производство комплектующих для автомобилей. На протяжении многих десятилетий обе страны отстаивали использование «местных комплектующих» в автомобилях, вопреки предписаниям ортодоксальной политики свободной торговли. В результате, рабочие в автомобильной промышленности приобрели квалификацию, необходимую для успешной конкуренции в мировой экономике, и теперь их навыки отвечают высоким международным стандартам организации производства.

* * *

А как насчет роли демократии в экономическом росте? Намного более впечатляющие успехи Китая (и — раньше — других восточно-азиатских стран при авторитарных режимах) в сравнении с Индией ни в коей мере не доказывают превосходство авторитаризма над демократией в вопросах развития. Авторитаризм не является ни необходимым, ни достаточным условием для развития. Свидетельством того, что он не является необходимым, служат не только сегодняшние развитые страны, но и отдельные примеры недавних успехов в развитии: Коста-Рика, Ботсвана, а теперь и Индия. Свидетельством того, что он не является достаточным условием, служат бедствующие авторитарные режимы в Африке и не только там.

Связь между демократией и развитием куда сложнее, чем принято считать. Даже если мы не ценим демократию саму по себе (или не считаем ее неотъемлемой составляющей развития) и рассматриваем ее чисто инструментально, демократия обладает по меньшей мере четырьмя преимуществами с точки зрения развития. Демократиям лучше удается избегать катастрофических ошибок (вроде китайского «большого скачка» и последующего голо-

да, который унес жизни почти тридцати миллионов человек, и китайской же «культурной революции», которая привела, возможно, к самому значительному разрушению человеческого капитала в истории), и они лучше справляются с преодолением трудностей. Демократии также испытывают серьезное давление снизу, связанное с распределением результатов развития, что делает их более жизнеспособными, и при них могут существовать массовые движения против негативных последствий индустриализации, вроде загрязнения окружающей среды. Кроме того, они лучше способны справляться с социальным неравенством (особенно острым в Индии), которое препятствует социально-экономической мобильности и полному раскрытию потенциала личности. Наконец, открытые демократические общества обеспечивают лучшую среду для развития информационных и связанных с ними технологий, что особенно важно в нынешней глобальной экономике, основанной на знаниях. Жесткая цензура в Китае может существенно ограничить будущие инновации в этой области.

Но, как показывает опыт Индии, демократия также может различными способами препятствовать развитию. Конкурентный популизм — щедрая раздача обещаний для победы на выборах — может неблагоприятным образом сказываться на долгосрочных инвестициях, особенно в инфраструктуру, которая представляет главную проблему для развития Индии. Такая политическая практика, например, препятствует взиманию платы за пользование дорогами, электричеством и оросительными системами, отталкивая возможных инвесторов; этого не происходит в Китае, где инфраструктурные компании взимают полную рыночную стоимость. Конкурентный популизм также осложняет сокращение потерь, связанных с экспериментами в индийской отраслевой политике, когда отказ от неудачного проекта — с неизбежной потерей рабочих мест — сказывается на результатах выборов, вследствие чего лидеры стараются избегать экспериментов. Наконец, медленные процессы принятия решений в демократии могут обходиться очень дорого в мире с быстро меняющимися рынками и технологиями.

Китай много и справедливо хвалят за его децентрализованное развитие: в 1980–1990-х годах местная промышленность расцвела под контролем региональных органов власти и коллективов. Этот аспект индустриализации до сих пор никак не проявился в Индии, несмотря на принятие важных конституционных изменений, одобряющих передачу полномочий местным органам власти, еще в 1990-х годах. Конечно, децентрализация не всегда бывает благом для развития. Некоторые сетовали на то, что децентрализация в постсоветской России препятствовала росту, так как власть в регионах оказалась в руках олигархов, что легитимировало последующую централизацию власти Владимиром Путиным. Хотя эгалитарная земельная реформа в Китае, возможно, помогла избежать захвата власти на местах местными элитами — по крайней мере, в первые годы рыночного роста, — эта проблема преследовала региональную децентрализацию в России и Индии.

Но в последние годы даже Китай испытывает сложности с децентрализацией. Центральным властям в Китае непросто сдерживать местных партий-

ных функционеров, которые расцвели за счет системы поощрений за экономические достижения на местах (поскольку они обладают доступом к прибыли местных коллективных предприятий и имеют возможность участвовать в их приватизации), особенно в вопросах продажи земли (когда местные чиновники нередко вступают в сговор с местными коммерческими застройщиками); местные власти также часто несут ответственность за загрязнение окружающей среды и нарушения правил безопасности при создании потребительских товаров (зачастую в сговоре с местными фирмами). Мантра «гармоничного общества», повторяемая центральным руководством, неспособна обуздать капиталистические эксцессы региональных предпринимателей и чиновников. Централизация налоговой реформы с 1994 года ослабила стимулы для местной бюрократии, связанные с заботой о социальных нуждах, особенно во внутренних областях. Отсутствие механизмов демократической подотчетности также остро воспринимается (и будет восприниматься и дальше) местным населением, которое не может влиять на направление экономического роста и страдает от отсутствия достаточного социального обеспечения.

Короче говоря, в отсутствие демократической деволюции, пресловутая региональная децентрализация Китая может оказаться источником серьезного недовольства и подорвать экономический рост, которому она во многом способствовала.

* * *

И последнее распространенное представление состоит в том, что глобализация привела к росту неравенства, а вызванное таким неравенством недовольство, особенно в сельской местности, делает политическое будущее страны и, следовательно, ее экономическую стабильность туманными. Но влияние глобализации на неравенство сложно отделить от других продолжающихся изменений (например, связи требующего высокой квалификации технического прогресса с новыми информационными и коммуникационными технологиями) и, следовательно, причинная связь между глобализацией и неравенством не всегда ясна. Кроме того, в китайских провинциях, более открытых для глобализации и имевших более высокие показатели роста, рост неравенства был не больше, чем в остальных, внутренних провинциях. Сокращение роста в сельском хозяйстве в последние годы в Китае и Индии также может быть связано с ростом общего неравенства, поскольку в сельском хозяйстве неравенство существенно ниже, чем в других секторах.

Что касается вызванной неравенством политической нестабильности, то часто цитируемые официальные полицейские отчеты показывают, что случаи социальных волнений выросли почти в девять раз за период с 1994 по 2005 год. Хотя китайское руководство выказывает обоснованное беспокойство в связи с ростом неравенства, распространенные представления в этом вопросе несколько отличаются от реальности, как показал гарвард-

ский социолог Мартин Уайт со своей командой. Данные их репрезентативного общенационального исследования за 2004 год показывают, что волнения обездоленных в сельской местности или отдаленных областях вовсе не были вызваны ростом неравенства. Это может быть результатом «тоннельного эффекта», описанного в литературе о неравенстве: когда ты видишь, что другие процветают, ты надеешься, что скоро придет и твое время (находясь в тоннеле, ты сохраняешь оптимизм, когда пробка на соседней улицы начинает рассасываться). В особенности это относится к ослаблению ограничений на переселение из деревень и совершенствование дорог и транспорта. Крестьяне недовольны присвоением земель или загрязнением земли, воздуха и воды, а не неравенством. И до сих пор китайскому руководству удавалось переводить стрелки на коррумпированных местных чиновников, тем самым сдерживая волнения в деревне.

Это может показаться странным, но потенциал для волнений в быстро развивающихся городских областях сегодня, возможно, даже больше, чем в сельской местности, так как здесь глобальный спад, вызванный лопнувшим пузырем в сфере недвижимости, может перекинуться на избыточные производственные мощности в различных отраслях промышленности и шаткие в финансовом отношении коммерческие банки. Учитывая связанный с помощью интернета и осмелевший средний класс, недавнюю историю массовых забастовок рабочих и многочисленных прозябающих мигрантов, сдерживать недовольство в городах будет намного сложнее.

Сталкиваясь с политическими потрясениями, китайское руководство склонно реагировать чересчур резко, замалчивать сведения о происходящем и использовать силу, что только обостряет проблему. И все же Китай имеет очень сильную экономику, которая может послужить своеобразной «подушкой» и предоставить больше финансовых средств для смягчения местного недовольства.

За последнюю четверть века Китай и Индия смогли добиться намного лучших экономических показателей, чем в прошлые два столетия, и это является одним из самых поразительных событий в недавней истории международной экономики. Остальным странам придется приспосабливаться к этой реальности и научиться видеть в частичном восстановлении прежнего глобального величия этих двух стран не угрозу, а возможность для торговли, инвестиций и обмена идеями. (Нам также нужно сотрудничать с ними в деле защиты окружающей среды.) Но мы должны помнить, что история их возвышения намного сложнее и запутанней, чем излагается в стандартных объяснениях. И к этой более сложной истории относится позитивное наследие более раннего государственнического периода Китая и Индии, которое слишком часто оставляется без внимания, хотя оно предлагает важные уроки для понимания процесса развития.

Перевод с английского Артема Смирнова